

СПУТНИК ГОРЬКОГО

В своих письмах Максим Горький несколько раз упоминает об одном сравнительно небольшом рассказе «Мой спутник». В частности, он пишет первому издателю своих книг С. П. Дороватовскому в мае 1899 года: «Мой спутник» — забраковали Вы? Ничего не имею против». И спустя полгода И. Е. Репину: «Мой спутник» — тоже приключение, плохо изображенное. Это жаль — хорошая тема. Большой писатель мог бы сделать из нее классическую вещь».

Спустя некоторое время писатель снова возвращается к этому рассказу в письме к А. П. Чехову: «...решительно не согласен с тем, что «Спутник» — хороший рассказ. Так ли нужно было написать на эту тему!».

И все-таки, как ни критически относился М. Горький к своему детищу, чувствуется, что рассказ был чем-то дорог автору. Это «что-то» проявляется в письме к литературоведу, автору первой книги о М. Горьком В. Ф. Боцяновскому. В сентябре 1900 года Горький сообщает ему: «Если Вас интересуют данные биографического характера — Вы можете почерпнуть их в таких рассказах, как «Мой спутник»...».

В переписке М. Горького мы еще раз находим упоминание об этом рассказе. В 1903 году он пишет директору-распорядителю демократического книгоиздательского товарищества «Знание» К. П. Пятницкому: «Посылаю очень интересный документ, полученный мною сегодня, 26-го октября, в день одиннадцатой годовщины моего писательства. Пишет — Шакро, «Мой спутник».

Об этом письме Шакро читатели узнали в ноябре 1903 года из публикации газеты «Уральская жизнь», озаглавленной «Спутник Максима Горького» в которой говорится:

«В герое рассказа М. Горького «Мой спутник» — кн. Ш. Итадзе — узнал себя кондунгор-грузин С-дзе. Вот что рассказал он редакции газеты «Циобис-Пурцели» о своих скитаниях с Горьким, с которым он встретился в августе 1891 года в Одессе, где к нему подошел «здоровый детина в

изодранном платье и попросил у него пятакон. Я засмеялся, — рассказывает С-дзе, — я был сам голоден, а этот еще денег просит».

«Как мне после рассказывал Пешков, он прибыл пешком из Харькова. Дорогою, оказываясь, он забрел в один монастырь, где какие-то два странника обобрали его дочиста. В тот день, как мы встретились, оба были сильно голодные... Ночевали в саду. На другой день искали работы, но не нашли, поэтому решили отправиться в Николаев. Путешествовали семь дней. Работы и там не нашли. Там сказали, что из Херсона отправляется пароход, который может из милости доставить нас в Батуми. Пришли в Херсон, но к пароходу не успели. Далее отправились в Симферополь, но и там не удалось достать работы. Затем Пешков посоветовал отправиться на Кавказ пешком. Так и решили.

Попали кое-как в Ялту. Усталые и голодные, решили во что бы то ни стало пробраться на пароход и проехать некоторое расстояние. Это нам удалось. Таким образом мы приехали в Феодосию...».

В Керчи ночевали под мостом. Лодки не воровали, как рассказывается в повести. В Тамани много было лодок, грузили мукою; мы помогали гаскать мешки, и за это нас перевозили на другой берег. Мы перешли вброд через одну реку, название которой не припомню. Река была очень широкая, незаметно текла, вода почти стояла. Мы долго переправлялись; чуть было не утонули: в некоторых местах вода была очень глубокая. На другой стороне были рыбаки, приняли нас очень хорошо и накормили. Здесь-то и было, что напали на нас собаки, и здесь же я танцевал лезгинку вокруг костра.

Рассказ в повести относительно женщины совершенно вымышлен: ни в одной станице я не знакомился с женщиною и никогда не обвинял Пешкова в воровстве пяти рублей; сам тоже ничего не воровал.

Из Владикавказа до Тифлиса путешествовали до 7 дней. Здесь в железнодорожных мастерских служил мой дальний родственник слесарем. Направились к нему. Сначала меня не узнал: я и Пешков похожи были на настоящих чертей, давно мы не стриглись, да и лохмотья наши слишком истрепались. Наконец меня узнали, и нас хорошо приняли: накормили и дали платье мне и Пешкову. У Пешкова в правлении железной дороги был какой-то знакомый. Он зашел к нему, я должен был пойти на базар, и условились встретиться около правления. Я скоро возвратился, но Пешкова не нашел: его и след простыл. Целый месяц я оставался в Тифлисе, но Пешкова видеть не удалось.

Его рассказ, будто я обманул его и оставил у Верийского моста, представляет чистейший вымысел. После этого о Пешкове я решительно ничего не слышал и не знал, что он переменил свою фамилию».

«Этот оригинальный и редкий случай — когда герой повести сам заявляется и указывает, что правдиво и что вымышлено автором, — во всяком случае достоин внимания для характеристики творчества писателя», — отмечала газета «Уральская жизнь».

М. Горький в упоминаемом письме к Пятницкому подчеркивает: «Сохраните это письмо — оно все же подтверждает тот факт, что я не очень много вру». По-видимому, он согласен был с изложением событий, сделанным его «спутником» Шакро.

П. КОВЕРДА,
кандидат
исторических наук